

Обвинительный акт Главной прокуратуры Народной республики Болгарии по делу Трайчо Костова и его сообщников

(ПРОДОЛЖЕНИЕ. Начало в «Курской правде» от 3 декабря).

Тито одобрил намеченные совместно с его ближайшими соратниками Карделем и Джиласом мероприятия, направленные к созданию «сильного государства, которое будет диктовать свою волю на Балканах и явится серьезным фактором в международной политике».

Костов о дальнейших переговорах с Тито показывает:

«Тито рекомендовал усилить привлечение наших сторонников в Болгарию из числа руководителей лиц в партии и государственном аппарате, которые бы проводили нужную политику».

Когда я спросил Тито о внешнеполитической ориентировке Югославии, он выразил свое пренебрежение к англичанам, которые, по его словам, уже спели свою песенку, сыграв свою роль и сейчас должны будут освободить дорогу преуспевающему американскому капитализму. Тито дал мне понять, что ориентация югославской внешней политики принимает все более проамериканское направление, в отличие от прежнего проанглийского. Он советовал и нам, болгарам, установить полезные связи с американцами. Я спросил Тито, если возможно, оказать мне содействие в этом направлении, что он обещал сделать...»

Костов спросил Тито, почему он не направил своим посланником в Болгарию более деятельного человека на место больного и ничего не делающего Ковачевича.

Тито ответил:

«Югославское правительство решило и, при первой возможности, направить в Болгарию одного из наиболее активных его людей в Министерстве иностранных дел — Цимилу, который работает в Венгрии и успешно проявил себя, но теперь ему уже пора выбирать оттуда».

Тито рекомендовал мне Цимилу как человека, с которым я сумею без труда найти общий язык.

В дальнейшем разговоре я заявил Тито, что, когда он придет в Болгарию по случаю предстоящего подписания союзного договора или по другому какому-либо поводу, мы устроим ему такую встречу, какой он ни где до этого не видел. Эта встреча, сказал я Тито, чтобы посылить ему, ибо знал, как он пахнет на пыльные церемонии и шумные излияния чувств, убедит вас в том, какой популярностью пользуется вы среди болгар. Я подчеркнул, что в этом скажется и результат проделанной нами работы...»

Костов, как было обещано им в Белграде, лично принял меры, чтобы возможно более торжественно и помпезно встретить Тито, прибывшего во второй половине ноября 1947 года для заключения договора между Югославией и Болгарией.

Костов о приезде Тито показывает:

«...На протяжении всего пути от Софии до Варны, через Северную Болгарию, и от Варны до Софии, через Южную Болгарию, с лица Тито не сходила самодовольная улыбка».

Он считал, что теплые чувства собравшегося встретить его болгарского населения относятся лично к нему, а не к югославскому народу, и чувствовал себя уже хозяином положения и в Болгарии...»

Во дворце в Евксинограде, в отведенном Тито помещении, имел место второй разговор между ним и Костовым.

«...Моя беседа с Тито на этот раз носила еще более откровенный характер».

Тито сказал, что он уже решил в ближайшем будущем поехать курс своей политики в отношении СССР, а равно и внешнею политику в отношении Югославии со странами народной демократии.

По уверению Тито, внутри Югославии он располагал уже достаточными силами и хорошей организацией, чтобы выполнить свой план с успехом. А Болгария отстаивает, что является серьезной помехой в деле осуществления последующего одновременного отрыва Балкан от СССР.

Тито в резких выражениях указал свое несогласие с политикой СССР в отношении плана Маршалла. Он подчеркнул, что такие экономические отставания в своем развитии государства, как Югославия и Болгария, не смогут обойтись без американской помощи. Но, прежде чем оказать такую помощь, сказал Тито, американцы ставят условием наш отрыв от СССР...»

Тито далее изложил американский план, согласно которому он и действует:

«...Тито подчеркнул, что американский план предусматривает увеличение антисоветских сил не только в Югославии и в Болгарии, но и во всех других странах народной демократии...»

Тито в последующем разговоре предложил Костову воспринять и повторить в Болгарии его опыт, усилив бдительность масс

и своих противников методом двулличия, испытанным уже им — Тито — и давшим до сих пор хорошие результаты.

«...Дело у нас поведено так, заявил Тито, что отход от СССР и его союзников будет поставлен как вопрос национальной чести и достоинства, ссылаясь на то, что, мол, не считаются с национальным достоинством югославов, отрицают их участие в освободительной войне против немцев, вмешиваются во внутренние дела страны, третнируют Югославию, как неравноправного союзника и т. д.»

Тито пояснил, что, играя на националистических чувствах и не снимая пока лозунга о социализме, продолжая еще первое время славословить СССР и, вместе с тем, отворачиваясь на деле от СССР и поощряя капиталистические элементы в стране, он — Тито — использует неизбежную реакцию, которую вызовет в этой связи его поведение у СССР и стран народной демократии, и в результате сумеет постепенно перевести Югославию на рельсы англо-американского блока.

Но вину за это перед массами, сказал он с усмешкой, мы возложим на страны народной демократии во главе с СССР, которые якобы отказывают нам в помощи и сотрудничестве и принуждают нас искать эту помощь и сотрудничество там, где нам в них не отказывают. Что же касается тех людей внутри Югославии и югославской компартии, которые попытаются встать против такой нашей ориентации, добавил Тито, мы достаточно подготовлены, чтобы расправиться с ними самым решительным образом, но это уже будет делом рук Ранковича.

Прощаясь со мной, Тито рекомендовал побеседовать и с Ранковичем...»

Встреча Костова с Ранковичем состоялась в тот же вечер, во время их совместной прогулки по парку Евксиноградского дворца.

«...Ранкович мне заявил, что, говоря откровенно, он считает одной из наших слабостей то обстоятельство, что, по его данным, мы не имеем единого руководства, и работа протекает несколько партизански и неорганизованно. А следовало бы, подчеркнул он, подобрать небольшую группу наиболее доверенных людей и с их помощью направлять и руководить всей работой».

Ранкович указал также, что следует усилить свое влияние в армии и органах МВД, чтобы создать реальную силу заговора, на которую и опереться в случае необходимости.

Затем Ранкович подчеркнул, что надо ориентироваться на более решительные способы действия, не останавливаясь перед тем, чтобы в случае необходимости силой обезвредить и уничтожить силой своих противников...»

На этом закончились евксиноградские встречи и переговоры Костова с Тито и Ранковичем.

Тито выполнил просьбу, высказанную Костовым при их переговорах в Белграде. В конце 1947 года состоялась встреча между Костовым и вновь назначенным в Болгарию американским послом Дональдом Ридом Хитом.

Костов относительно этой встречи показывает:

«...Рид Хит вначале официально представился мне как исполняющему обязанности премьер-министра».

При первом визите Рид Хит выразил пожелание снова встретиться со мной в недалеком будущем, ввиду необходимости обсудить некоторые интересные вопросы, а также, если понадобится, ликвидировать Димитрова, рассчитывая при этом и на нашу помощь.

Я возразил, что такое развитие событий будет иметь плохое отражение в партии и в народе и оттолкнет людей от нас, потому что Димитров пользуется авторитетом народного вождя, и поэтому мы стоим за наш болгарский вариант.

Вопреки этому Тито настаивал, что мы должны воспринять политику решительных действий, иметь своих людей на всех командных высотах и располагать достаточно организованной силой, которая бы сумела парализовать в момент первого же удара противников нашей политики.

Когда наступил момент, сказал Тито, и вы станете премьерником Димитрова, нужно суметь быстро овладеть партией и правительством и провозгласить присоединение Болгарии к Югославии. После этого будет уже легко, заверил меня Тито, и югославская помощь доделает все остальное.

Тито особо подчеркнул, что план подобного решительного способа действия является не только его планом, но что этот план согласован и одобрен американцами, которые со своей стороны обещали поддержку.

В заключение разговора Тито еще раз рекомендовал поскорее переходить к решительным действиям, ибо дело зашло далеко, и возврата назад уже нет...»

Тито в последующем разговоре предложил Костову воспринять и повторить в Болгарии его опыт, усилив бдительность масс

и других материалами дела установлено, что преступные группы Тито и Костова, действуя заодно, по заранее намеченным планам и в постоянно поддерживаемом контакте, использовали дружеские чувства, питаемые болгарским народом к его славянским братьям — югославским трудящимся, и популярную идею федерации южных славян обратили в средство для достижения своих политических целей, чтобы лишить болгарское демократическое государство его национального суверенитета, превратить в придаток титовской Югославии и в новую колонию американского и английского империализма.

Обвиняемый Костов, по договоренности с его белградскими единомышленниками, злоупотребляя своим служебным положением, принял зависящие от него меры, чтобы обеспечить свободное проникновение югославских агентов в болгарские государственные учреждения.

Югославскому военному атташе подполковнику Воеславу Ристичу, а впоследствии его заместителю — полковнику Драгошину Филипповичу был обеспечен доступ к материалам военного Министерства и возможность устанавливать и поддерживать постоянное сотрудничество с руководителями и работниками в армии.

Югославские шпионы получили доступ к охраняемому законом сведениям, составляющим государственную тайну, под предлогом необходимости изучить состояние болгарской армии для создания единой структуры и системы обучения по образцу югославской армии, с учетом предстоящего образования федерации.

Широчайший доступ был обеспечен чиновникам югославского посольства в Софии и в остальные болгарские учреждения, включая Государственную плановую комиссию и Главную дирекцию статистики, где они также получили возможность устанавливать шпионские связи и добывать секретные материалы.

В течение двух с лишним лет, по май 1948 года, в Министерстве внутренних дел подвизался специальный представитель полиции — шпийно-шпионской службы Ранковича — Иван Божевич. Официальный шпион получил доступ к наиболее секретным сведениям и насыщал свою агентуру.

Подтвердив на следствии это обстоятельство, Костов далее показал:

«...Началось чуть ли не своего рода излопотничество перед Югославией и Тито. От всех болгарских учреждений и организаций посылались, одна за другой, делегации для изучения государственного и общественного устройства Югославии, чтобы потом копировать их у нас, а также завязывать связи с соответствующими югославскими организациями».

Этот ярко определившийся уклон в сторону Югославии насаждался и поощрялся с целью заглушить в глазах нашей общественности историческую роль СССР и Советской Армии в освобождении Болгарии от немецких оккупантов и в строительстве новой Болгарии.

Югославия Тито выдвигала как новый образец для подражания, более близкий к болгарским условиям и более доступный для болгарии...»

Павлов об этом показал:

«...Дело дошло до того, что мы почти официально сумели протолкнуть мнение, что болгары отстаивали от югославов, что последние более смело и радикально решают вопросы хозяйственного и политического переустройства страны, что мы должны учиться у них и перенимать их формы и методы работы. При этом на все лады превозносился Тито как наиболее выдающийся политический деятель на Балканах...»

После провала плана образования федерации, как ее замыслили Тито и Костов в ущерб коренным национальным интересам болгарского народа, на передний план была выдвинута задача отторжения Пиринского края и присоединения его к Югославской Македонии.

Во исполнение договоренности с Джиласом, достигнутой в марте 1945 года, Костов оказал содействие югославским агентам Лазо Колишевскому и Димитру Влахову в их националистической работе среди македонцев Болгарии.

Начиная от официальных представителей македонского правительства Колишевского, которого Костов знал по совместному нахождению в 1943—1944 гг. в заключении в Плевенской тюрьме, и Влахова, известного ему еще с 1933 года по эмиграции, и кончая советниками югославского посольства Перо Манговским и Благом Хаджи-Пановым, всем этим тайным и явным агентам и эмиссарам Тито, при поддержке Костова, была обеспечена возможность действовать в открытую в пользу отторжения Пиринского края и присоединения его к Югославии.

Обвиняемый Благом Хаджи-Панов, прибывший в декабре 1947 года на должность советника югославского посольства в Софии со специальными разве-

дательными заданиями из Белграда, показал:

«...Вскоре после освобождения Македонии и Югославии руководители из Скопье и Белграда развернули широкую разведелательную и пропагандистскую деятельность в Болгарии. Ее центром являлось посольство ФНРЮ в Софии».

В начале 1945 года в Софию приехал подполковник ОЗНА Кирил Мильковский. Его сопровождала Цвета Чалышкая — сестра жены премьер-министра Македонской республики Колишевского, известная сотрудница ОЗНА.

Первым делом, которым занялись Мильковский и Чалышкая, был подбор людей. Первыми, кого они привлекли к сотрудничеству с югославской разведелкой, являлись: Ангел Динев и Атанас Митрев.

В 1946 году в югославское посольство в Софии прибыли: Перо Манговский — советник посольства, Митко Зафировский — первый секретарь посольства и Антон Колецич — советник посольства по культурным вопросам. С их приездом деятельность по македонской линии расширилась. Они привлекли к сотрудничеству новых людей: Димитра Христова, братьев Болялчиевых Илью и Георгия — в Софии и Кирилла Николова — в Неврокопе...»

Обвиняемый Илья Болялчиев, подтвердив преступную связь с Хаджи-Пановым, показал:

«...Советы Хаджи-Панова заключались в том, что мне следовало компрометировать БКП и попрежнему выступать в пользу присоединения Пиринской Македонии».

Необходимо также, говорил мне Хаджи-Панов, проводить работу и с македонцами — членами БКП, убеждая их в правильности политики Тито...»

Допрошенные по делу Георгия Болялчиева — бывший торговец, Димитр Христо — бывший чиновник дирекции «Экспортпродуктов» и Кирил Николов — бывший прокурор города Неврокопа показали на следствии, что по заданию югославского посольства в Софии они вели подрывную и шпионскую деятельность. Пиринском крае, а последние два состояли на платной службе у югославской разведелки.

Югославский шпион Христов по этому вопросу показал:

«...За выполнение шпионских заданий югославского посольства в Софии советник посольства Перо Манговский выдал мне одновременно денежное вознаграждение в размере 30 тысяч левов, а советник посольства Хаджи-Панов — 10 тысяч левов и 2 тысячи динаров, что в переводе на болгарские деньги составляет 11 тысяч левов. Кроме того, первый секретарь югославского посольства в Болгарии офицер ОЗНА Марко Вулич выплатил мне 20 тысяч левов...»

Николов, также состоявший на содержании у югославского шпионской службы, показал:

«...Всего за проведенную мною работу в пользу югославской разведелки я получил денежное вознаграждение в размере 160 тысяч левов...»

Обвиняемый Хаджи-Панов и два других высших служащих югославского посольства в Софии Зафировский и Манговский, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, нахально развратили подрывную работу против болгарского правительства в Пиринском крае.

Разноязычная деятельность, проводимая по инструкциям правительства Тито через его дипломатических представителей в Болгарии, особенно усилилась после предоставления македонскому населению Пиринского края культурной автономии, в связи с чем учителя из Югославской Македонии были приглашены для преподавания в школах края литературного македонского языка.

Дружественные отношения со стороны Болгарии и мероприятия ее правительства, направленные к подходу и расцвету национальной культуры македонского населения, аппарат Ранковича коварно и подло использовал для внедрения противоболгарской, титовской агентуры в Пиринскую Македонию.

Засланные в Пиринский край под видом «учителей» шпионы Ранковича настолько распоясались, что даже стали снимать в училищах портреты Димитрова и заменять их портретами Тито, а также требовать, чтоб сентябрь давали ему клятву верности.

«Учителя», прибывшие из Скопье, не считались с законами Народной республики Болгарии, самозванно присваивали себе функции местных органов власти в селах Пиринского края.

В 1947 году в городе Горный Джимал македонский театр возглавил агент Тито и Колишевский — Илья Мильчичев, прикрываясь ролью директора и главного режиссера, а во вновь открытые македонские книжные магазины появились многочисленные продавцы из Скопье, в большинстве своем — агенты УДБ, действовавшие под руководством специально засланного эмиссара югославской разведелки Перо Коробара и Перо Олифовского.

Весь этот аппарат шпионской службы Ранковича в составе 100 «учителей», нескольких десятков «продавцов книг» в совокупности с «артистами» и «режиссерами» из Белграда и Скопье вел

разведывательную и иную преступную деятельность в пользу Тито

Однако, как только предательство Тито было разоблачено Информационным Бюро в известном решении о положении в югославской компартии, провалявшиеся югославские шпионы Колишевский, Олифовский и Мильчичев, опасаясь возмездия за совершенные преступления, успели ретироваться и в сопровождении всей банды и так называемых «культурных деятелей» бежали в Югославию.

В преступных целях, для борьбы против болгарского правительства в существовавший в Софии македонский националистический комитет против югославский агент, обвиняемый по настоящему делу Васил Ивановский.

Ивановский, подтвердив на следствии, что правительством Колишевского, с ведома и санкции югославских руководителей, в ноябре 1945 года он был заслан со специальными заданиями для подрывной и разведелательной работы в Болгарии, показал:

«...Передо мной была поставлена задача — опираться на группу македонцев — приверженцев Скопье, начать фракционную работу в македонском национальном комитете и усилить борьбу против ЦК БКП и его линии, распространить свое влияние на население Пиринского края».

Чтобы замаскировать действительные цели моего отъезда в Болгарию, было решено инсценировать некие разногласия у меня с Колишевским и руководителями МКП, что я позже и сделал...»

По приезде в Софию Ивановский вступил в преступный контакт с секретарем югославского посольства Зафировским, а затем и с созданными последним двумя шпионскими резидентурами во главе с Николовым и Диневым.

Спрошенный об этом, Ивановский показал:

«...Связавшись с Зафировским, я получил от него следующие инструкции: дискредитировать македонский националистический комитет и его верхушку с тем, чтобы заместить ее сторонниками из Скопье и овладеть руководством македонских эмигрантских организаций, оторвав последние от влияния БКП и поставив их на службу буржуазно-националистической политике скопленских и белградских руководителей».

Конечная цель группы, которую мне предстояло возглавить, по словам Зафировского, определялась необходимостью отрыва Пиринского края от Болгарии и захвата его Югославией.

В основу идеологической обработки населения Пиринского края был положен доклад на тему: «Актуальные вопросы Македонии», сделанный мною в 1946 году перед собранием македонских эмигрантов в Софии и размещенный на ротаторе. Мой доклад по существу являлся пропагандой установок Тито на отторжение Пиринской Македонии и присоединение ее к Югославии...»

Ивановский, не ограничиваясь подрывной деятельностью в македонских общностях, которые ему удалось возглавить, регулярно снабжал также Зафировского, а затем и его преемника, первого секретаря югославского посольства Павла Моичича секретными материалами о важнейших решениях Политбюро и ЦК БКП, о положении в промышленности и сельском хозяйстве Болгарии.

Югославское посольство в Софии, по признанию бывшего советника Хаджи-Панова, вело разведелательную деятельность по ряду линий, но важнейшую так называемую македонскую линию возглавлял он — Хаджи-Панов.

Одновременно, по требованию из Белграда, Хаджи-Панов занялся и военным шпионажем, собирая через Динева, Христова и других агентов секретные сведения о состоянии охраны болгаро-югославской границы, передвижении воинских частей, а также о положении болгарской промышленности, экспорте и импорте.

В свою очередь, связанный непосредственно с Костовым обвиняемый Борис Христов, воспользовавшись своим служебным положением торгового представителя Болгарии в СССР, регулярно снабжал секретными материалами о болгаро-советских отношениях находившегося вместе с ним в Москве советника по торговым вопросам югославского посольства Виктора Жиберна.

Признав на следствии преступную связь с Жибером, Христов показал:

«...Жибер запросил у меня подробные сведения о товарах, вывозимых из СССР, а также о товарах, предназначенных для СССР: их ассортимент, количество, качество, цены и прочее. Особый интерес проявлял Жибер на ценах на следующие товары: авиационный и автомобильный бензин, горючее для тракторов, машинное масло, чулки, сортовое железо, мед, хлопок, кальцинированная сода, гаечки, табак, спирт, руда и сырьевые продукты концентраты».

(Окончание следует).

И. о. ответственного редактора В. П. АЛЕХИН.

Адрес редакции: г. Курск, ул. Ленина, 77. Телефоны: ответ. редактор — 90, зам. ответ. редактора — 46, ответ. секретарь — 2-60, отделы: пропаганды, партийной жизни, советского строительства — 4-41, сельскохозяйственный — 3-90, промысловый — 3-56, культуры — 9-47, информации — 9-31, писем — 9-33, начальный издательский — 2-68, директор типографии — 2-54, контора типографии — 2-54, отдел объявлений — 1-42, бухгалтерия — 9-39 два звонка, междугородный (примол) — 64.

Типография газеты «Курская правда».

Тираж 90.000. Зак. № 5596.

ИЗ 82653